

БУКЕТ МОЛДАВИИ

Чтобы попасть на спектакли Театра-студии под руководством Олега Табакова, жители Кишинева и ближайших окрестностей были готовы отдать последние деньги

Независимая газета. — 1998.
— 7 июля — с. 7

Григорий Заславский

В ТЕАТРАЛЬНОМ буфете и перед служебным входом кишиневского Национального театра оперы и балета, где с 27 июня по 3 июля гастролировал московский Театр-студия под руководством О. Табакова, весь день сидят женщины и перебирают вишню, вынимая косточки. Сидят кругом, в тени деревьев, и из большого тазы берут одну за другой вареную вишню и, выдавивая косточки, бросают в большие трехлитровые банки. Такая старинная и вкусная работа. Знакомая по лирическим сценам «Евгения Онегина», хотя Ларины не пирожки с вишней лекут и не компоты варят, а варенье.

А почему бы и не варить, собственноручно? Вишня на рынке стоит два лея за килограмм, что чуть меньше трех наших рублей.

***

По дороге из международного аэропорта («до Лондона — за четыре часа, до Парижа — за три часа, до Москвы — за полтора часа», — рекламирует рейсы «Айр Молдова») усталый женский голос, перед тем как пассажира выпускают из салона на дулину (волк) в Кишиневе шофер, авиавизит на себя роль гила, рассказывая, что единственная улица, которую не переименовали, носит имя Пушкина. А у нас, отключился я, Пушкинскую улицу переименовали в первую очередь.

***

По телевизору здесь можно смотреть и ОРТ, и НТВ, и РТР, и ТВ-6. Правда, половину ток-шоу Шестого канала здесь транслирует одновременно и НТВ. Причем это все — фирменный продукт канала «ТВ-6, Москва»: «Я сама», «Мужской клуб» Артура Крупнина и даже — что выглядит совершенно комично — «Территория ТВ-6» Александра Политковского. Некоторое время я не мог понять, что к чему и как можно объяснить одновременное присутствие трех маленьких буковок в левом нижнем углу с малообразовательными координатами (Литвинюк, Артура Крупнина). Крайне же дивная знаменитая же даже ставшая «лауреатом» ТЭФИ рекламная заставка с кисками и зелеными мячиками. На НТВ вдруг стали говорить про газету «Вести» и потерю для всех подписчиков, главный приз которой — 40000 шекелей. НТВ здесь, в Кишиневе, — израильское, идущее через спутник, то есть в буквальном смысле тель-авиднее.

***

Табакову для поездок по городу выделили длинный черный «ЗИЛ», получивший в народе название «челювона». Олег Паолович просил дать ему что-нибудь попроще, но попроще ничего не нашли. По дороге на Центральный рынок мы оказались на узкой улочке, по обеим сторонам которой множество людей медленно толкались вперед или тянули за собой тележки с мешками сахара. Шофер сказал, что это означает, что на сахарном комбинате выдали зарплату.

На рынке Табакова узнавали, похвалили, просили расписаться на каких-то клочках. Показывали на него пальцем, толкая в бок соседа по ряду. Продавщицы и покупатели от всей души держались своими познаниями в истории театра и советского кино. У каждого из них было куда больше оснований для написания заметок в местный «Ежедневный экспресс». Газету эту мне дали в самолете на обратном пути. Безымянный журналист в первых строках своей статьи утверждает, что гастроль «табакерки» в Молдавии «совпала с 10-летним юбилеем театра, который только в прошлом году получил официальный статус театра», чуть

ниже называет Табакова основателем Школы-студии МХАТ, дальше пускается в пространные лирические рассуждения о нелегком актерском труде («Профессия актера не всегда благодарная... Актер — посредник между драматургом, режиссером и зрителем, в таких жестких условиях трудно сохранить собственную индивидуальность. Но в театре Табакова полностью отщипываются все грани таланта...»). В конце статьи сообщается, что до молдавских гастролей театр побывал на Сахаровском фестивале с пьесой «Последний (?)», а «недавно страстный поклонник театра из Москвы Юрий Лушков вручил Олегу Табакову очередную Государственную премию...».

Статья называется «И снова встреча с кишиневским зрителем». В последний раз «табакерка» играла в Кишиневе десять лет назад. А больше никто сюда особенно и не ездил. Местные жители вспоминали только Розенблюма, который соиравался повсюду, но так и не приехал, и Константин Райкин, приезжавшего в Кишинев с «Сатирикон-шоу». Но и это было, говорят, очень давно.

***

Цены на рынке низкие, жидо малыны — три лея, задаром дают попробовать каберже домашнего розлива. Но и в магазине вино недорого. Восемнадцатилетней выдержки марочное вино стоит примерно 45 рублей на наши деньги.

Еще о ценах. Самые дорогие билеты на спектакли «табакерки» — 125 лея, что равняется примерно нашим 150 рублям. Что дорого для местных жителей. Театров в Кишиневе, городе с семисоттысячным населением, немного. Мне рассказали, что на проводившихся в застойные советские годы гастрольных совещаниях, на которых перед началом летнего сезона директора театров выбирали себе города для предстоящих гастролей, ниже всего котировались Кишинев и Оренбург. В Оренбурге летом — смертельная жара, а Кишинев традиционно считался нетеатральным городом. Несмотря на это, в первые два вечера в кишиневском Театре оперы и балета (среди последних постановок — «Шелкунчик» Юрия Григорovichа) прошел предвещавших Зрители стояли в проходе. В зале — 1200 мест, что в 12 раз больше стоимости зала «табакерки». (Можно себе представить, как приходится потом, после этих «встряжек», заново «вписывать» спектакль в минималную сцену «табакерки».) Но на большой сцене «Бумбараш» не потерялся (впрочем, это и не первый опыт такого гастрольного «переноса» на большую площадку), и после каждой сцены, все более и более разгораясь, зал выдавал очередную порцию аплодисментов.

В ответ на распросы табакерских администраторов, переживавших, что не все гастрольные спектакли распроданы до начала гастролей, местные билетные кассиры отпуская глаза и о своих сборах скромно умалчивают, отвечая уклончиво: подобные нашим нам даже не снились.

***

Среди трех драматических театров у одного как раз накануне гастролей «табакерки» отключили электричество — за неплату налогов. И тоже накануне гастролей подобное предупреждение получил и директор Оперы. Но в связи с гастрольными отключениями отложили на неопределенный срок.

***

С тем, что город — нетеатральный, можно было бы и поспорить. Не то что Кишинев — на спектакли приезжали поездом целые компании из маленьких городов. Во время антракта в буфете, где продают пирожки с той самой вишней, стоявшие сзади меня

женно обсуждали планы предстоящей поездки на Грушинский фестиваль. На «Субликации любви» перед началом второго действия по соседству кто-то проследил своих друзей, я не известных даже мне подробностях пересказывая творческую биографию Евгения Миронова: «В фильме «Делая раз» Миронов снялся в 89-м году, когда его еще никто не знал. Тогда это была еще полузапретная тема, делавшаяся в армии, — на прошлой неделе фильм показывали по ОРТ. А «Любовь» ты смотришь Валерия Тодоровского? Четыре приза получила картина, ее тогда покупали во многих странах и показывали на разных международных фестивалях». Далее, пока не погасили свет, следовали бесконечные детали — названия фильмов, фестивалей, имена режиссеров, годы выхода...

На выходе из театра молодая семейная пара говорила про «Обыкновенную историю», на которую надо пойти и в которой когда-то Табаков играл молодого Алуэса, которого теперь играет Миронов, а роль дядюшки тогда играл... Именно они рассказали мне, что в последний раз русские театры гастролеровали в Кишиневе еще в годы перестройки; они переживали, опасаясь, что на третий-четвертый спектакль полный зал уже не соберется, поскольку у интеллигенции совсем нет денег (тут я вспомнил про рабочих сахарного комбината, у которых есть сахар...), что зарплата учителя в Кишиневе — 120 лея, врач получает около 150. За два билета они заплатили 180 лея и встретили в этот вечер немало своих знакомых и друзей (все были знакомы, сказали они) — в основном это были банковские служащие...

***

Заметить среди зрителей президента Лучинского оказалось непросто. По российским меркам я было режис, что видит президента перенесли, поскольку на служебном входе никто не остановил, и вахтер, едва преврав мирную беседу с парой своих коллег, удовлетворился ответом, что, мой, приехал из Москвы, вместе с театром... И на главном входе тоже не было ни охранников с микрофончиком у уха, ни «рамки», реагирующей на металл.

Президент Молдавии пришел по-домашнему. С женой и четырьмя охранниками, один из которых был на две головы ниже его (почему-то именно ему доверили «прикрывать» президентскую спину), другой — на голову. Еще двое выглядели солидные. Пятно была девушка, которой доверили нести президентский букет. Сидел в партере, в первом ряду после прохода, причем уже за ним сидели обычные зрители.

Смеялся. Аплодировал вместе со всеми, когда было особенно смешно, тем более что пьеса итальянца Альдо де Бенедетти описывает вполне универсальную жизнь депутата парламента, правда, по неожиданному стечению обстоятельств начавшему сочетать бурную политическую жизнь с не менее бурной театральной (тоже режет).

После спектакля президент вышел на улицу вместе с публикой, не вызвав ни ажиотажа, ни любопытства. Не было желающих подойти и рассказать о трудностях столичной или провинциальной жизни (помню, когда президент Горбачев приехал к нам в универсам, в ответ на его настоятельные просьбы рассказывать о набравшем одна старуха пожаловалась на комаров...). Перейдя через площадку и через улицу (дождавшись, пока проедут машины), президент Республики Молдова отправился в городской парк и далеко еще можно было видеть его широкую спину, удаляющуюся по одной из аллей.

Кишинев — Москва

Олег Табаков и Марина Зудина. Фото Артема Житенева (ИГ-фото)